

Ю. Г. Круглов

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Фольклорными экспедициями МГУ в 60—70-х годах собран громадный материал, который позволяет детально изучить жизнь традиционного народного творчества в современных условиях. Большую ценность среди этих материалов представляют записи календарного фольклора, по сравнению с другими видами устной народной поэзии ранее записывавшегося довольно редко. В данной работе хотелось бы более детально, чем это было уже сделано в отчетных статьях руководителей некоторых экспедиций¹, исследовать бытование календарного фольклора в Калужской области². Так как календарная поэзия тесно связана с обрядами и в определенной мере обусловлена ими, анализ следует начать именно с них.

В настоящее время в исследуемом регионе зафиксированы не все календарные обряды. О некоторых из них собраны лишь отрывочные сведения. Мало, например, данных о весенних и жнивных обрядах. Так, записаны тексты только двух веснянок:

а) — Жаворонок, жаворонок,
Где твой дитеночек?
— Мой дитеночек за лесом
Привязанный поясом!³

б) — Жаворонки, жаворонки,
Летите из-за моря!
Несите кус здоровья,
Мы вам посошочек,
А вы нам денег мешочек!⁴

Зафиксирована лишь одна жнивная песня, которую исполняли после жатвы. «Катались со снопом по полю и приговаривали»:

¹ См. Л. А. Астафьева-Скалбергс. Некоторые наблюдения над современным состоянием народно-поэтического творчества в Калужской области.— «Вестник Московского государственного университета (далее — «Вестник МГУ»), 1969, № 4, филология; Ю. Г. Круглов, А. В. Кулагина, Л. А. Морозова. Современное бытование фольклора в Калужской области.— «Вестник МГУ», 1971, № 5, филология; Ю. Г. Круглов, А. В. Кулагина, Е. И. Токарева. Современное состояние фольклора в Калужской области.— «Вестник МГУ», 1973, № 1, филология; Р. Г. Бородько, Ю. Г. Круглов, Е. И. Яцунок. Современное бытование фольклора в Калужской области.— «Вестник МГУ», 1975, № 4, филология.

² По материалам фольклорной практики кафедры фольклора МГУ в Калужскую область (Медынский, Малоярославецкий, Калужский, Юхновский, Козельский, Людиновский районы) в 1963—1973 гг. Руководили экспедициями В. П. Аникин, Л. А. Астафьева, А. В. Кулагина, Л. А. Морозова, Т. Ф. Пирожкова, Ф. М. Селиванов, Е. И. Токарева и автор данной статьи; см. также Ф. М. Селиванов. О проведении фольклорной практики на филологическом факультете МГУ.— «Вестник МГУ», 1974, № 3, филология.

³ Записано от Н. Е. Степановой, 66 л., дер. Дол Козельского р-на. Архив кафедры фольклора МГУ (далее — АКФ МГУ), 1970, группа А. П. Морозовой, тетрадь 3, № 219.

⁴ Записано от А. Г. Кузнецовой, 75 л., с. Корекозово Калужского р-на. АКФ МГУ, 1964, группа В. П. Аникина, т. 3, № 53.

— Жнивка, жнивка,
Отдай свою силку
На яровую жнивку,
На медвежью спинку:
Медвежья сила,
Заячья ловкость!»⁵

Слабо представлены троицкие обряды. В памяти старшего поколения сохранились лишь воспоминания о плетении венков, гадании по ним и пении лирической песни «Беседушка». Была записана также близкая по тематике к троицким обрядам песня, в которой девушка заклинала милого не забывать ее (песня была приурочена к троице):

Сорву цветок, совою венок
Сво[е]му же я дружку на головушку,
Сво[е]му я дружку на головушку:
— Носи, милый, носи, не скидывай,
Люби, милый, люби, не забывай!»⁶

Наиболее долговечным оказалось гадание по венкам. Так, М. И. Зинукова (76 лет, с. Косичино Людиновского р-на) рассказывала, что в 1972 г. несколько старушек, в том числе и она, ходили на троицу гадать. У одной из них «венки утонули, а она живет себе и до сего дня». Молодежь и среднее поколение в этом обряде участия не принимали⁷.

Отрывочны сведения и о других обрядах. В вознесенье, как сообщила нам А. Е. Ромашкина (70 лет, дер. Каменка Козельского р-на), девушки в старые времена ходили к барыне, просили у нее коробку и куклу и отправлялись с парнями на какое-нибудь открытое место за деревней или на большую поляну в лесу. Здесь они вили венки, водили хороводы, готовили яичницу. Затем вырывали ямку и укладывали в нее венки и куклу в коробке. Это называлось «похоронить кукушку». Вокруг ямки парни и девушки, взявшись за руки, водили хоровод, а в его середине разыгрывалась сценка: добрый молодец и красная девица с платочками в руках сходились, кланялись, приветствуя друг друга взмахом платков, и расходились⁸.

Но в некоторых деревнях еще и в наше время сохранились, а кое-где возродились некоторые элементы старинных обрядов. Это связано с рядом причин, из которых можно выделить две главные. Во-первых, в последние годы наблюдается все усиливающийся интерес общественности к обрядам и фольклору, во-вторых, старые люди любят вспоминать и между собой, и в кругу среднего, а также младшего поколений свою молодость, а значит — обряды и сопровождавший их фольклор.

Пожалуй, наиболее активно до последнего времени в той форме, в какой их исполняли раньше, бытовали только обряды, связанные с Петровым днем. Наше пребывание в Козельском районе в 1972 г. (а только здесь и зафиксированы «петровки») совпало с их празднованием. Поэтому наши впечатления — это впечатления очевидцев и в какой-то мере участников.

Подготовка к Петрову дню начинается задолго до праздника. Примерно за неделю до него в любом разговоре всплывает тема «петровок» и воспоминания о том, как весело они проходили в прошедшем

⁵ Записано от А. И. Ведуниной, 60 л., с. Корекозеево Калужского р-на. АҚФ МГУ, 1964, группа В. П. Аникина, т. 3, № 138.

⁶ Там же, № 8.

⁷ АҚФ МГУ, 1972, группа Ю. Г. Круглова, т. 2, № 26.

⁸ АҚФ МГУ, 1971, группа Е. И. Токаревой, т. 5, № 2.

году. Создается, таким образом, определенная атмосфера. Особенно оживлены дети и подростки. Дело в том, что календарным этот праздник можно назвать лишь условно (по времени приуроченности). Никакого магического, хозяйственного значения он теперь не имеет. На первом плане — развлечения, часто нарушающие нормы общественного поведения. Праздник, в котором участвуют ряженые, начинается вечером накануне Петрова дня. В 1971 г., например, в дер. Каменки ходила по улицам толпа во главе с ряженой «старухой», а в дер. Киреевской было трое ряженных: «старик», «старуха» и «солдат». Ряженые обычно идут впереди толпы, разыгрывают «сценки», бьют шутя того, кто попадется «под палку», пристают порой с очень нескромными шутками к прохожим⁹, стучат в окна и двери домов, пляшут, поют, в основном частушки — сатирические, шуточные и эротического характера, которые подхватывают сопровождающие. Исполняются также песни. Есть группа песен, которые поют только в «петровки», хотя по своей жанровой принадлежности они представляют собой типичные плясовые, шуточные или лирические. Например, в дер. Киреевская Козельского р-на особой популярностью пользуется песня «Ты Егор, ты Егорушка, раскудрявая головушка» — плясовая как по содержанию, так и по напеву.

Интересно музыкальное сопровождение празднества. Шум, грохот — неотъемлемая его черта. По косам, тазам, ведрам бьют каким-нибудь металлическим предметом, чаще всего напильником. Частушки распевают под гармонь или без музыкального сопровождения.

Около полуночи все обычно начинают расходиться; молодые люди залезают в чужие огороды, пробивают у ведер на колодцах днища, рассыпают дрова, замазывают дымовые трубы и совершают другие «хулиганские» поступки, на которые пострадавшие реагируют снисходительно¹⁰.

По-видимому, и раньше «петровки» праздновались в Козельском районе как веселый, игровой праздник-карнавал. Н. Т. Корнеева (80 лет, дер. Курынич Козельского р-на) вспоминала, например: «Ух, батюшки, весело бывало. И как только не городили: то трубу замажут, то дверь чем завалят... Раньше и стекла мазали какой-то дрянью, все окно заклеивали. Ну, а чтоб солнце утром ленты разбрасывало, сама не видала, но люди, говорят, видели...»¹¹.

Следует сказать, что «петровки» отмечаются далеко не во всех деревнях Козельского района, хотя в каждой живы воспоминания о них. Даже там, где эта традиция сохранилась, она начинает разрушаться. И это — общая судьба календарных обрядов, так как патриархальный быт, служивший для них почвой, безвозвратно ушел в прошлое. О тех же самых «петровках» П. Т. Потапова (64 г., дер. Каменка Козельского р-на) рассказывала: «Вся деревня раньше играла. Но это отпало давно... Да и незачем»¹².

Лучше всего сохранились воспоминания о святках и масленице; поэтому и обрядовый фольклор, связанный с ними, представлен наиболее интересным материалом: записаны колядки, подблюдные, игровые святочные и масленичные песни. Отметим два интересных факта их бытования: 1) весь материал в основном был записан в Калужском, Козельском и Людиновском районах; на севере области — в Медынском и Малоярославецком районах — сделаны лишь случайные записи; это говорит о том, что обрядовый фольклор сохранился лучше на юге

⁹ Как правило, ряженые на протяжении всего праздника стараются сохранить свое инкогнито.

¹⁰ См.: АКФ МГУ, 1971, группа Ю. Г. Круглова, т. 3, № 13—18.

¹¹ АКФ МГУ, 1971, группа Е. И. Токаревой, т. 1, № 117.

¹² Там же, № 71.

области; 2) подблюдные песни были зафиксированы лишь в Козельском и Людиновском районах, причем особенно много записей было сделано в Козельском районе.

Степень сохранности обрядового фольклора различна. Игровые святочные и масленичные песни записаны только как воспоминания, колядки же и подблюдные песни в некоторых деревнях еще исполняются. Последнее можно объяснить только тем, что эти песни сохранили свое игровое значение для подростков. Можно даже сказать: именно благодаря детям незатейливые песенки и заклички бытуют еще в некоторых деревнях активно. Пример тому — колядки.

Большое место в колядках, как известно, занимает образ Коляды. Интересно, что о Коляде сложены рассказы, в которых она предстает в образе высокой женщины в белом платье с большой палкой в руке. «Шел парень от невесты своей из другой деревни, — рассказывала в дер. Каменка Козельского р-на М. А. Рожкова (60 лет), — глядь, а за ним здоровая, высокая в белом женщина. Бежит подкованная, палкой махает. И ему, парню-то, говорит:

— Доходишься у меня по этой дорожке!

Парень на следующий день опять идет, да нож с собой взял. Больше не пришла, ведь он же с ножом был!...»¹³.

В дер. Куява Людиновского р-на колядующие ходили по дворам и исполняли колядки за вознаграждение. Требовали они его решительно, с вызовом. Колядки так и начинаются — с просьбы о вознаграждении:

А мать праведная, а грудь каменная!
Подай сала кусок, чтобы боров был высок!
Во всю сумочку холста трубочку!
Не ломай и не режь — а то сумку раздерешь!
Давайте полосу — а я домой понесу!¹⁴

Там же была записана и другая колядка, на которую, несомненно, повлиял церковный обряд «славения Христа»:

Я приехал Христа славить,
Некуда лошади поставить!
Дайте лошади сенца,
А мене серебреца!¹⁵

Колядка была исполнена Л. Червяковой (12 лет). Аналогичная колядка записана от М. И. Зинуковой (76 лет, с. Косичино Людиновского р-на)¹⁶. Преемственность традиции, таким образом, налицо. По признанию Л. Червяковой, знает она колядку благодаря подружкам.

Итак, старые колядки помнят, они приурочены, как и прежде, к празднованию Нового года. Но бытование в детской среде вызвало к жизни новые «колядки», в которых магическое начало исчезло и, хотя просьба о подаении осталась, появились новые персонажи: «мальчики», «девочки», «бабушки», новые атрибуты: «штанишки», «деньги» и пр. Нельзя не заметить зависимости новых «колядок» от детского фольклора, в частности от считалок. А. Г. Зинукова (62 г., с. Косичино Людиновского р-на), например, вспомнила такую «колядку»:

¹³ АКФ МГУ, 1971, группа Е. И. Токаревой, т. 1, № 7.

¹⁴ Записано от Е. Т. Новиковой, 62 л., дер. Куява Людиновского р-на. АКФ МГУ, 1972, группа Ю. Г. Круглова, т. 5, № 150.

¹⁵ Там же, т. 6, № 70.

¹⁶ Там же, т. 2, № 34.

Мальчик — мальчик
Побег в чуланчик,
Бабушка захватила,
Штанишки подарила,
Бабушка, дай рупь,
Стаканчик круп! ¹⁷

Две подобного типа «колядки» были записаны и от Оли Пчелкиной (8 лет) в дер. Куява Людиновского р-на. Одна колядка исполняется девочкой, другая — мальчиком (опять черта, чуждая традиционным колядкам, исполнявшимся обыкновенно хором или, по крайней мере, одним человеком от первого лица множественного числа). Вот «колядка», которую обычно исполняет девочка:

Я, маленькая девочка,
Села на тарелочку,
Тарелочка — хруп,
Дайте мне рупь!

По-другому колядует мальчик:

Я, маленький мальчик,
Сяду на диванчик,
Шапочку под бочок,
Дайте мне пятачок! ¹⁸

Сложен вопрос о бытовании подблюдных песен, в прошлом, по-видимому, активно бытовавших в Козельском и Людиновском районах. И хотя традиция использования этих песен сейчас исчезла, записано их все же немало. Объясняется это тем, что исполнители их хорошо помнят.

На святках были и другие виды гадания. Е. Л. Выборнова (40 лет, дер. Васильевка Козельского р-на) рассказала, например, что еще в конце 1940-х годов некоторые девушки на святки «бросали через дом валенки, ботинки. Куда носок укажет, оттуда жених будет», «ложились в снег: наутро если вмятина хворостинами побита — муж будет бить, а если туда воды нальют, муж будет пить сильно»; «под окнами бегали, спрашивали, как суженого будут звать» ¹⁹.

«Под рождество, — по словам М. А. Рожковой (дер. Каменка того же района), — клали под подушку расческу и говорили: «Суженый-ряженный, приходи ко мне голову чесать!». Или охватывали руками изгородь. Коли парное число кольев, выйдешь замуж, если непарное — не выйдешь в этот год» ²⁰.

На святочных вечерках молодежь пела песни и частушки, плясала, танцевала, рядилась, играла. Но репертуар был тот же, что и на масленицу, на троицу и в Петров день. Специфическим для новогодних праздников в Калужской области было только исполнение так называемых «поцелуйных» игровых песен (в других местах они могли петься и в иные праздники). Эти песни были связаны с популярной игрой, может быть, когда-то в древности и имевшей магическое значение. Парни и девушки садились в круг, в центре которого ходили «добрый молодец» или «красная девица». Брали у кого-нибудь из участников игры кольцо или перстень и под пение песни «Я золото хороню, я серебро

¹⁷ АКФ МГУ, 1972, группа Ю. Г. Круглова, т. 4, № 33.

¹⁸ Там же, т. 5, № 174, 175.

¹⁹ АКФ МГУ, 1971, группа Е. И. Токаревой, т. 5, № 118, 123.

²⁰ Там же, т. 1, № 24.

хороню» передавали его друг другу за спинами. Стоящий в кругу участник игры под исполнение уже собственно «поцелуйной» песенки должен был угадать, у кого находится кольцо или перстень. Если ему это удавалось, то в центр круга по требованию играющих выходили девушка и парень (в зависимости от того, кто в нем ранее находился). Вошедший в круг целовался с ведущим, после чего в круг выходил тот, у кого было обнаружено кольцо или перстень.

Записанные игровые песни интересны как по содержанию, так и по построению. Они двучленны: одна часть — основная — рассказывает о каком-нибудь событии, другая — заключительная — формулирует «приказ» о поцелуе:

Не летает сокол на улице —
Ходит молодец по горнице:
— Я не я ль, молодец,
Удалая голова!
Берет барышню за ручку,
Споклоняется низешенько,
Расцелуются милёшенько! ²¹

Сравнительный анализ игровых «поцелуйных» песен показывает, что по происхождению многие из них связаны с другими жанрами фольклора, и это объясняет как разнообразие их тематики, так и различный эмоциональный тон. Приведенная выше песня перекликается с величальными свадебными песнями, а цитируемая ниже в первой своей части является частушкой:

Дайте, дайте погулять,
Дайте ей повольничать,
На нее скоро оденут
Розовый повойничек!
Если любишь — поцелуешь
А не любишь — отвернись! ²²

Исполнение игровых песен в послевоенное время не зафиксировано. Судьба игровых «поцелуйных» песен напоминает судьбу масленичных песен. До сих пор живы воспоминания о масленице в калужских деревнях.

«Бывалочи, на нашем погребке стоит чучело, — рассказывала Н. В. Хапугина (60 лет, дер. Песочня Калужского р-на). — Баба в паневе, корсетка, расшитая рубашка в бантах. В конце недели собирается толпа на похороны масленицы. Один дядька наряжается попом, берет лапоты, хлопья ото льна напихает в него и зажжет. И несет, как кадило. И припевает вроде частушки:

У бедного на столе ложки,
У богатого на столе плошки!
Удивительно, удивительно, удивительно!

А потом чучелу кладут на носилки, несут по деревне [за околицу], тут вытрясают и зажигают...» ²³

А в дер. Корекозово Калужского р-на вместо чучела лентами и разноцветными кушаками украшали срубленную в лесу елку. В субботу

²¹ Записано от Е. И. Шмаковой, 80 л., с. Каменка Козельского р-на. АКФ МГУ, 1971, группа Е. И. Токаревой, т. 3, № 7.

²² Записано от Т. Е. Кузнецовой, 68 л., дер. Горлово Медынского р-на. АКФ МГУ, 1970, группа Ю. Г. Круглова, т. 3, № 34.

²³ АКФ МГУ, 1968, группа Л. А. Астафьевой, т. 1, № 26.

обычно опедали «молодых». В воскресенье же, как и повсюду, родственники ходили друг к другу в гости и, целуясь, просили прощения за нанесенные в прошедшем году обиды²⁴.

М. А. Рожкова (дер. Каменка Козельского р-на) вспомнила, что на масленицу катались с горы на донцах (сидения от прялки). Человек пять садились на разные донца и одновременно отталкивались: «которая дальше уедет, дальше и замуж выйдет»²⁵. В дер. Васильевка Козельского р-на, по словам Е. Л. Выборновой, существовало другое объяснение этого катания: «Кто дальше укатится, тот лучше прясть будет...»²⁶.

Большой интерес представляют масленичные песни, по содержанию которых можно проследить ход праздника и обряды. Приведем в качестве примера некоторые тексты. В начале масленичной недели пели:

Ой, да вот масленица на двор въезжает,
Да, широкая на двор въезжает:
— Да вот, масленица, иди поскорее!
Да, широкая, иди поскорее!
— Мои девушки, рада бы скорее,
Мои красные, рада бы скорее!
— Да вот, масленица, кого же ты боишься,
Да, широкая, кого же ты боишься?
— Мои девушки, я поста боюсь,
Мои красные, я большого боюсь! и т. д.²⁷

В середине праздника пели по-другому:

Масленая подкургузка!
Встретили мы тебя со блинами,
Ой, со блинами, люли, со блинами!
Ой, масленая полизуха,
Ой, полизуха, люли, полизуха!
Полизала сыры — масла,
Ой, сыры — масла, люли, сыры — масла!
Полизала, ой, не сказала,
Ой, не сказала, люли, не сказала!
Встрели ж мы тебя со блинами,
Ой, со блинами, люли, со блинами!
Проводим тебя сухарями,
Ой, сухарями, люли, сухарями!
Масленая, ох, неделечка,
Ой, неделечка, люли, неделечка!
Остается два денечка,
Ой, два денечка, люли, два денечка!²⁸

И в конце масленичной недели — в воскресенье вечером — пели:

Да вот масленица со двора съезжает,
Да, кургузая, с широкого подворья съезжает,
Ее девушки провожают,

²⁴ АКФ МГУ, 1964, группа В. П. Аникина, т. 3, № 17.

²⁵ АКФ МГУ, 1971, группа Е. И. Токаревой, т. 1, № 21.

²⁶ Там же, т. 5, № 120.

²⁷ Записано от А. Г. Кузнецовой, 75 л., с. Корекозеве Калужского р-на. АКФ МГУ, 1964, группа В. П. Аникина, т. 3, № 51.

²⁸ Записано от К. С. Булатовой, 45 л., с. Вербежичи Людиновского р-на. АКФ МГУ, 1972, группа Ю. Г. Круглова, т. 4, № 84.

Ее красные, ох, провожают:
 — Ох, ты вот, масленица, ты поста не бойся,
 Да, кургузая, ты поста не бойся!
 — Мои девушки, как мне не бояться,
 Мои красные, как мне не бояться!
 — Да вот, масленица, [он] на крутой горке,
 Да, кургузая, на крутой на горке!
 — Да вот, девушки, в хате на полке,
 Мои красные, ох, в хате на полке! ²⁹

Некоторые записи представляют собой художественно полноценные контаминации собственно масленичных песен с лирическими протяжными. В них рисуются различные картины праздника. В других контаминациях нет такой органической связи, но примечательна их стабильность: и в Вербежицах, и в Куяве, и в Думлово, и в Косичино Людиновского р-на записана, например, во многих вариантах контаминация масленичной песни с лирической протяжной «Взойду я на горку...», в которой рассказывается о том, как девушка зовет брата-соловейку к себе в гости, но брат отказывается, мотивируя это тем, что когда приезжает к ней по приглашению, то ее дома нет, а когда бывает, то плачет. Содержание песни в таком виде совершенно непонятно, не удастся его «прояснить» и по иным вариантам, в которых к ней прибавляются еще и другие песни или отрывки. Так, Е. И. Калмыкова после песни о «братце-соловейке» спела дальше о паве, которая «в зеленых лугах свила гнездышко, снесла три яичка» и далее:

Вывела пава три сыночка:
 Первый сыночек — пастушочек,
 А другой сыночек — пахаречек;
 Третий сыночек — бондаречек;
 Пастух в поле похлестывает,
 Пахарь в клину понукивает,
 Бондарь в лесе постукивает! ³⁰

Песня эта еще ждет своего исследователя. Может быть, в том виде, в каком ее спела нам Е. И. Калмыкова, она едина по своему замыслу и отражает древний мотив инцеста? Очень уж постоянные здесь персонажи — брат и сестра. Однако есть еще два интересных варианта, объясняющих отношения брата и сестры более просто. В одном из них сестра зовет к себе в гости братца, а он не хочет к ней прийти, потому что она много плачет и вспоминает умерших батюшку с матушкой, а ему тяжело видеть ее плачущей. В другом варианте мотивировка отказа брата иная — это обида за лицемерие сестры: придя к ней в гости, он видит ее плачущей, но знает, что после его ухода она скачет от радости.

Масленичные песни-контаминации, как можно видеть, не всегда изображают сам праздник. Масленица упоминается в них только как деталь, указывающая на время событий, о которых повествуется. Так, в песне «А масленая ты моя» рассказывается о том, что в этот праздник женщина не пекла блинов, не ела сыр и вообще не была дома, а стояла на горке и видела, как мимо провели коня ее мужа — война сделала женщину вдовой. В большинстве же песен, названных исполнителями масленичными, о масленице даже и речи нет: это лирические протяжные песни.

²⁹ Записано от А. Г. Кузнецовой, 75 л., с. Корекозеве Калужского р-на. АКФ МГУ, 1964, группа В. П. Аникина, т. 3, № 52.

³⁰ Записано от Е. И. Калмыковой, 72 г., с. Косичино Людиновского р-на. АКФ МГУ, 1972, группа Ю. Г. Круглова, т. 10, № 21.

Как уже говорилось, масленичные песни были записаны преимущественно в Людиновском районе и, как правило, от местных старожилов. Но сейчас они не исполняются. Люди старшего поколения (всем, от кого были записаны песни, как правило, более 50 лет) хорошо помнят их (сами до войны каждый год пели), но не поют, так как после войны «некогда было», теперь же «обстановка не та».

Записано также большое количество хороводных песен, хотя в деревнях хороводов уже не водят. По-разному называют и время, когда их водили в последний раз. Самый ранний срок — «еще до революции, а потом уже забыли», самый поздний — первые послевоенные годы.

Наиболее часто записывались как хороводные следующие песни: «Распашу я, распашу я пашенку», «Посеяли девки лен», «Корость по лесу ходил, перепелушек ловил», «Не стекай, вода, с гор по камушкам», «Как по лугу, лугу гуляет молодчик», «Эй, из-за лесу шли — прошли два молодца», «Во лужках ходят девки, во кружках», «Вы мне позвольте вдоль по улице пройти», «Приубрался наш Ванюшка в суконную поддевку», «Никогда нашу Катюшу не разбиравал хмелек», «Как киреевские ребята день работу работали», «Следы мои, следы, довели до горюшка, до беды», «Как у нас нонче, ребята, холодна зря была», «Холодна зима проходит» и др.

Тематика этих песен разнообразна. Есть песни, рассказывающие о трудовых процессах, о семейных отношениях, о любви (последних записано больше всего). Чем объяснить такое количество записей хороводных песен? Тем, что хороводные песни, утратив свою исконную форму бытования, исполняются сейчас как лирические застольные — во время праздничных гуляний, свадеб и др. И в этом нет ничего удивительного: хороводные песни по своему содержанию близки лирическим, и мы знаем много случаев, когда исполнители в одних местах называли одну и ту же песню то хороводной, то «досельной», «протяжной», «долгой» — т. е. лирической. Хороводная песня, несмотря на исчезновение хороводов, продолжает жить в репертуаре певцов старшего, а иногда и среднего возраста.

Итак, в заключение обзора сделаем некоторые выводы.

1. За редким исключением (речь идет в основном о «петровках»), календарные обряды исчезли из быта.

2. Календарная поэзия, сопровождавшая исчезнувшие обряды, в основном также ушла в прошлое.

3. Время окончательного разрушения обрядовой традиции различно как для обрядов, так и для поэзии; в одних случаях это конец XIX — начало XX в., в других — предвоенные десятилетия, в третьих — послевоенные годы; некоторые жанры, в зависимости от сохранности традиций, могли исчезать из быта в разных местностях в различное время.

4. Отдельные жанры календарной поэзии продолжают бытовать (но не повсеместно!): это колядки и хороводные песни; колядки, исполняющиеся детьми, подверглись сильной модификации, хороводные песни изменили форму своего бытования.

5. По-видимому, сравнительно большое количество записей календарной поэзии можно объяснить тем, что в современных условиях собиратели записывают часто то, что активно уже не бытует. Память исполнителей хранит еще многие образцы традиционного народного искусства, в том числе и календарной поэзии, что при определенных обстоятельствах и может породить ошибочное мнение об их активном бытовании.